

«РАЗБАЛУЙ-ГОРОД» ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...
(Астраханские письма Ивана Сергеевича Аксакова)

П.Л. Карабущенко, Л.Я. Подвойский
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: Астрахань, И.С. Аксаков.

Key words: Astrakhan, I.S. Aksakov.

Иван Сергеевич Аксаков (26.01.1823, село Надежино Белебеевского уезда Оренбургской губернии – 27.01.1886), младший брат известного русского философа Константина Аксакова (1817 – 1860), прославился как удачный журналист, публицист и общественный деятель. В 1844 г. И.С. Аксаков в должности старшего чиновника оказался в составе комиссии (ревизии) князя *Павла Павловича Гагарина* (1789 – 1872), инспектировавшей Астраханскую губернию. Приезд ревизоров переполошил всю губернию. В сердцах аборигенов поселился животный страх, сравнимый с тем, что пережили герои гоголевского «Ревизора». Под прицел критики попал сам военный губернатор Астрахани (1834–1844 гг.) генерал-лейтенант *Иван Семенович Тимирязев* (1790–1867), который впоследствии, несмотря ни на что, все-таки стал уважаемым российским сенатором.

Ревизия вскрыла преступления решительно во всех звеньях административного управления Астраханской губернии: «в земском суде дела лежали без движения по многу лет, канцелярия губернатора Тимирязева – "хаос беспорядков", сам губернатор, числясь председателем рыбной экспедиции, за десять лет не появился там ни разу. Совершенно неспособный к делам управления, он соединил в себе бездействие с ничем не ограниченным самовластием: в страхе и раболепной покорности держал всю губернию, при несогласии с ним следовало подавать в отставку. За десять лет своего губернаторства он ничего не сделал для Астрахани и ее жителей; и он, и прочие должностные лица, призванные заботиться о народном благе, с полным равнодушием относились к общественной пользе, что всегда вызывало гневное осуждение Аксакова: "Корпус машины сделан давно уже, и все дожидается самой машины. Придет машина, корпус сгнил. Начнут делать приготовления, машина заржавеет. У нас все так, непростительное безучастие к общим выгодам"» [1, с. 537].

И.С. Аксаков прожил в Астрахани 10 месяцев и успел написать за это время 52 письма родным. Некоторые его замечания относительно астраханской повседневности остры и уникальны, некоторые – напротив, скучны и записаны явно с чужих слов. При чтении этих писем бросается в глаза то, что в одних содержится серьезный, обстоятельный анализ политической культурной и повседневной жизни этого губернского города, тогда как в других – ерничество, недовольство и раздражительность. Это можно объяснить, на наш взгляд тем, что: а) письма не предназначались к печати (носили частный характер) и б) писал их очень молодой человек 21 года от роду («столичная штучка»), вынужденный довольно длительное время находиться в провинции. Отсюда, вероятно, и ерничество, и раздражительность автора. В каких-то вещах мы узнаем в Астрахани XIX в. современную нам Астрахань, а что-то уже ушло в прошлое, став рудиментами истории. Что особенно нас интересует, так это переданное И.С. Аксаковым и не дошедшее до нас прозвище Астрахани, существовавшее в его время. Астрахань, оказывается, в то время называли «РАЗБАЛУЙ-ГОРОД». Что это за «разбалуи», мы и постараемся выяснить на страницах настоящей статьи.

Впервые о Разбалуи-городе И.С. Аксаков услышал поздним вечером 18 января 1844 г. на постоялом дворе в Царицыне. Его собеседником тогда оказался некий анонимный ямщик староста, житель Астрахани, который и поведал ему о ней следующую историю: «У нас в народе называют этот город *Разбалуи-город*, а губернию народную, потому что летом изо всех губерний собираются люди на промысел». «Кто раз отправился в Астрахань, – продолжает далее сам И.С. Аксаков, – тот весь переименовывается, забывает все домовое и вступает в артель, состоящую из 50, 100 и

более человек. У артели все общее; подступая к городу, она вывешивает свои значки, и купечество спешит отворить им ворота; свой язык, свои песни и прибаутки. Семейство для такого исчезает, и он делается необыкновенно общителен, сейчас знакомится со всеми незнакомыми и, добывая много денег, все растрчивает в гульбе. Из них самые смиренные – бурлаки, потому что с судами возвращаются вверх по Волге домой, вольнее и дерзче – бирюки, которые ходят в море, но недалеко. Когда же бирюк весь прогуляется, а домой возвращаться не с чем, нанимается он на купеческие суда, отправляющиеся далеко в море, в Персию и Хиву, получает рублей 300 вперед и живет на корабле в неограниченном повиновении у хозяина, среди сброда таких же отчаянных русских, калмыков, киргизов, грузин, армян, индейцев и забывает и посты и обряды. Возвращается в Астрахань озолоченный прибылью и вновь гуляет до безденежья, и вновь попадает под иго жадного купца. Множество народа, смесь, пестрота, сбор людей всех губерний, почти всех наций, разгул, обилие вод – такова картина Астрахани и берегов приморских этого края» [1, с. 13–14].

Уже приехав в этот самый Разбалуи-город, И.С. Аксаков в восхищении пишет: «Астрахань совсем не похожа на прочие губернные города: она больше их и имеет свой самобытный характер. Почти опоясанная водою, Волгою и Кутумом, она представляется издали на некоторой возвышенности – пестрою, разнообразною массою домов, церковей, кирк, мечетей, осененною целым лесом мачт. Словом, Астрахань наружностью своею произвела на меня приятное впечатление. Правда, улицы не мощены, не ровны, много сломанных заборов, пустырей, грязи и спокойно прогуливающейся скотины, но много прекрасных каменных зданий, старинных, оригинальной архитектуры церковей и к довершению всего – портрет, хоть не совсем схожий, Кремля. Здешний Кремль... чрезвычайно ветх и стар, стены маленькие, цвета глины, но расположены наподобие московского» [1, с. 23].

Что не понравилось И.С. Аксакову в Астрахани? Прежде всего, верблюды: «какое чудовищное и безобразное животное», – восклицает он при первом своем знакомстве с ним [1, с. 19]. Не понравились некоторые представители восточных народов, показавшиеся ему необразованными и темными. За несколько недель ему опротивела рыба: «рыба и икра стали мне противеть, особенно уж эта стерлядь, приторная, мягкая; а здесь она главную роль играет в столе. Нет, перейти поскорее к скромной пище...» [1, с. 34]. Если с этим его суждением не может согласиться ни один здравомыслящий астраханец, то с другим его мнением согласятся все астраханцы (причем согласятся хором): «Одно скверно здесь: это несносная грязь по улицам, хотя, впрочем, везде устроены деревянные тротуары для пешеходов; но когда переходишь через саму улицу, то нередко оставляешь в грязи свои калоши» [1, с. 35]. Не правда ли, знакомая и сегодня картина?! Единственное отличие – отсутствие калош... Но грязь! Грязь и сегодня визитная карточка этого города.

И.С. Аксаков подробнейшим образом анализирует этот природно-культурный феномен: «Надо знать, – замечает он на страницах своих писем, – что такое астраханская грязь! Просто ходить нельзя. Смешанная с солью, она так вязка, что с трудом выносишь из нее калоши. Эта грязь бывает зимой и весной, частью и осенью; летом же несносная пыль, поднимаемая с улиц почти постоянно дующими здесь ветрами. Вы видите где-нибудь зелень, то есть какое-нибудь жалкое деревцо, которое, по крайней мере, раз шесть в день требует поливки, – думаете укрыться от пыли и жара... Но где зелень, туда особенно напирают мошки! Нельзя и тут оставаться. В комнату... но в комнате воздух спертый и жаркий, постели так нагреваются, что нет возможности спать в них; забываясь, вы думаете открыть окно ночью, но или удушающий зной, как банный пар, врывается в комнату, или же дует опасный ветер. Вот вам и преимущества знойного климата и описание жалкой астраханской природы» [1, с. 31]. Надо отдать должное – лучше и написать нельзя. Все так. Все – правда. Вот она неприглядная астраханская правда. Ты с нею или живешь, или бежишь от нее. Третьего не дано.

Именно в Астрахани привычная для него Россия принимает вид восточной стороны. «Редко здесь встретишь настоящего русского мужика. Все они или живут на

владельческих промыслах, или в море, а те, которые здесь уже давно, совершенно обастраханались, ходят все в белых круглых шапках из бараньей шерсти и в желтом зипуне из верблюжьей, костюм некрасивый и скрывающий совершенно форму тела» [1, с. 75]. На это мы можем возразить (и возразить справедливо), то, что удобно, то и носим. Не всем же (как И.С. Аксакову) заказывать казенные шинели от модного портного Женева? [1, с. 37, 41, 111].

Нас не может не заинтересовать одно весьма любопытное словечко, употребленное Аксаковым в этом письме, а именно – «*обастраханались*». Его редко где-либо еще можно встретить. Возможно, это изобретение самого автора. Аксаков указывает лишь на внешний вид этого явления, но совершенно не затрагивает культурно-психологическую глубину, то есть оценивает его по форме, а не по содержанию. Нам самим разбираться в психологии этого процесса не с руки, поскольку мы не знаем всех обстоятельств, которые привели к появлению этого термина. Поэтому оставим его на совести самого И.С. Аксакова и будем надеяться, что филологи и историки рано или поздно его когда-нибудь нам все-таки расшифруют.

Еще одной особенностью астраханского менталитета было сетование на москвичей за то, что они привозят к ним «холодную и сырую погоду». Так именно и случилось во время пребывания столичной комиссии осенью 1844 г. [1, с. 153]. Похоже, что с того времени у астраханцев мало что изменилось в культуре отношения к метеорологии. У них и до сих пор в плохой погоде всегда виноваты москвичи (!). В свою очередь москвичам не понравилась астраханская погода. Диагноз астраханской погоде И.С. Аксакова безжалостен – «прегнуснейшая». «Термометр изволит делать такие скачки, что это невероятно. С 10 градусов тепла вдруг на два, три градуса морозу, и все это при таком сильном ветре, которого вы в Москве и не слыхивали. И вдобавок ветер этот, шторм или вихорь продолжается постоянно и день и ночь... Признаюсь, слышать беспрестанно рев ветра, хлопанье дверей, треск и скрип оконных рам – совсем не весело. Ничего не может быть хуже астраханской весны... Да вообще мало хорошего в этой калмыцкой яме... Тяжело будет прожить здесь еще месяцев шесть, ибо и теперь мы сыты Астраханью по горло...» [1, с. 58–59].

Разбалуи-город всегда славился астраханщиной. Низы баловались проматыванием кровно нажитого, верхи баловались воровством казенного. Баловались все, и главное – от души. Чем дальше от столицы российской империи, тем больше в народе свободы. Особенно ее полно (и даже с избытком) на окраинах, таких, как Астрахань (Разбалуи-город). Аксаков зафиксировал одну любопытную деталь: астраханский обыватель привык считать своего губернатора «чуть ли не вторым лицом после государя» [1, с. 92]. В силу этого первые лица вели себя так, как будто бы были «падишахами». О правившем тогда военном губернаторе Аксаков писал: он привык падишахствовать «себе в Астрахани и видеть всюду раболопные лица, с которыми он привык обращаться без церемоний, то есть говорить им в глаза невыносимые грубости и т.п. и не знать ограничения своему самовластию» [1, с. 83]. Оскорбленные губернатором чиновники платили ему тем, что постоянно обманывали свое начальство, подсовывая ему липу [1, с. 77]. Сие безобразие случилось от того, что русские цари не жаловали своими визитами Астрахань. Ко времени И.С. Аксакова только один русский царь (Петр I) побывал в городе [1, с. 83]. Все остальные привыкли доверять присылаемым сюда своим воеводам и губернаторам. Оттого и губернаторы (памятуя, что «до Бога высоко, а до царя далеко») жили здесь безнаказанно и весьма вольготно.

Относительно происхождения столь необычного прозвища Астрахани – «Разбалуи-город» – у нас имеются две версии: первая (более правдоподобная) – согласно В. Далю, «разбалуи» означает распустить балуя, избаловать; он прямо указывает, что выражение «Разбалуи-город» относится к Астрахани и означает «соблазн бурлаков»; [3, с. 12] *вторая* (тоже ничего, но не очень) – название происходит от «балуда», что значит «омут, уямь; это притон водяниц, албаст, варьков и прочей челяди водянова» [2, с. 44]. Иначе говоря, заболоченное место, полное комаров и мошек. Первый вариант, конечно же, более предпочтительнее, но и во втором тоже есть что-то рациональное.

По наблюдениям московского чиновника, Астрахань – это кров, под которым собирались самые отчаянные забулдыги – бешенные деньги, бешенный разгул, бешенная нищета, вот, что такое этот самый Разбалуй-город. На рыбных промыслах хозяева получали бешенную прибыль – на вложенный 1 рубль они могли получать до 100 и более рублей [1, с. 135]. Поэтому для таких людей Разбалуй-город – это самое настоящее Эльдorado [1, с. 136].

Коренные жители Астрахани сполна оправдывали его прозвище – «Разбалуй-город». «Все бродяги, все беглые, все избежавшие наказание преступники отправляются в Астрахань... Это не добрый русский мужик, это русский гуляка, и стоило бы только Стеньке Разину встать из могилы да клич кликнуть, там немало бы собралось к нему таких молодцев» [1, с. 93]. Сей разбалуйский характер во многом напоминает весеннее астраханское наводнение – разгул стихии в городе все переворачивает вверх дном, все ставит с ног на голову [1, с. 90]. Нигде в России такого больше нет. Петербург не в счет. Петербург – столица. Там царь сидит. А в дремучей Астрахани – восседает «венцианский дож», губернатор – второй после царя человек (в глазах все тех же астраханцев). Но оказывается и сам губернатор ведет себя также, как и все астраханцы*. Вот почему И.С. Аксаков несколько раз подчеркивает, что Астрахани нужен умный губернатор, тот который бы благоустроил не только улицы города, но и навел порядок в головах самих его жителей. Таким образом, он как бы предвосхищает по форме простую, но по содержанию – очень важную мысль великого русского писателя XX в. М.А. Булгакова о том, что разруха начинается в головах людей.

По признанию самого И.С. Аксакова, он посетил город, уже переживший период своего бурного расцвета. Об умственных способностях и наклонностях астраханцев он судит по их отношению к литературе. В то время вся прогрессивная общественность России зачитывала до дыр «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Астраханцы же к модным писателям и к литературе вообще относились равнодушно. В городе есть библиотека (которую в 1838 г. учредил один местный купец ради получения почетной медали), но нет ни одной книжной лавки [1, с. 75]. По его мнению, Астрахань находится в состоянии упадка – «Астрахань почти как худой кремль, из которого мало искр высекается» [1, с. 31]. А в письме от 8 июля замечает: «Астрахань такой нелепый город, что тем, чем в ней много, с трудом можно пользоваться» [1, с. 117]. В данном случае он имел в виду обилие воды в городе во время наводнения и ее отсутствие в садах и огородах (все приходится многократно поливать, и выращенный урожай дается тяжелым потом).

В целом, для И.С. Аксакова Астрахань середины XIX в. представлялась неким культурно-историческим заповедником века XVIII. Вот характерная для его мировоззрения оценка: «Можно почти утвердительно сказать, что со времен Петра ничего не было сделано для Астрахани. Петр, приехав в Астрахань [1722 г.], разом увидал, что можно из нее извлечь, развел здесь сам виноградники и фруктовые сады, устроил адмиралтейскую верфь, объехал все Каспийское море, поискал сам гавани на противоположном берегу, которые и теперь считаются лучшими, и на Тюк-Караганском мысе (на противоположном тухменском берегу) поставил крепостицу. Много начато было им. По его указанию легко было бы продолжать преемникам... Но преемники не продолжили, крепостца разрушена временем, тухменами и хиванцами, фруктовые сады, вскоре после Петра увеличивавшиеся до невероятного числа, приходят в совершенный упадок» [1, с. 84]. Вывод Аксакова звучит как приговор: «А вообще скверный и испорченный город Астрахань, город обширный, красивый и богатый.

* Выясняется, что и жена губернатора княгиня Софья Федоровна, урожденная Вадковская ведет себя по-царски: «Она очень умная и ловкая женщина, властвует над городом и в подражание императрице танцует» [1, с. 25]. Это была красивая и очень высокая по тем временам женщина (около 180 см), сорока лет, которая в частной беседе с Аксаковым призналась ему, что: «Мы же здесь заживо погребены» [1, с. 25]. Такое признание первой леди губернии, по-видимому, было сделано не от хорошей жизни.

Азиатские нравы и азиатское солнце имеют большое влияние на здешних русских жителей и даже на приходящих сюда мужиков из верховых губерний» [1, с. 126]. По мере обнаружения непрочных корней европейской культуры и, напротив, преобладания культуры Востока, у Аксакова растет непонимание Астрахани и раздражение ею. Город все больше становится в его глазах восточным, а не западным.

Весьма интересны для нас наблюдения московского чиновника относительно социальной структуры астраханского высшего общества. «Астрахань, – замечает И.С. Аксаков в письме от 22 июля 1844 г., – состоит из двух классов собственно: чиновников (а вы знаете, что это за племя) и купцов, которые заражены тщеславием в высшей степени и, не имея никакого уважения к чиновникам, не хотят стоять ниже их по костюму, а при богатстве своем, при земном лоске образованности и при всех удобствах европейской жизни, стоят гораздо выше и пользуются здесь большим весом» [1, с. 125]. Что до чиновников, то они по мнению Аксакова в 20 раз одеваются лучше его (москвича), но «разговор, увы, разрушил очарование. «Не так легко переменить разговор, как одежду», – делает многозначительный вывод москвич [1, с. 126]. Форма явно уступает содержанию, и Аксаков видит в этом недостаток образования.

Весьма интересны замечания молодого чиновника относительно своей собственной службы. Надо отдать ему должное – И.С. Аксаков до конца остается искренен и честен в своих оценках: «ревизия – как и все – вещь довольно бесполезная, тем более что всякий ревизор действует против своего убеждения, будучи обязан требовать исполнения таких законов, которые...» [1, с. 27] и далее идет многозначительное многоточие. А такие его восклицания о своей профессии, как это, тоже многого стоят: «Боже ты мой, как часто приходится лицемерить, или, по крайней мере, показывать совершенно другой вид, чем на самом деле! Право, даже утомительно» [1, с. 42]. В Астрахани он преимущественно общался именно с чиновниками и отчасти с купцами. Он с нескрываемой иронией отзывался о своем брате чиновнике: «...все чиновники здесь растения привозные, а в Астрахани самой этот народ не произрастает...» [1, с. 92]. Поэтому «служба в Астрахани имеет небольшие выгоды, именно: сокращение срока для пенсии и т.п., то люди порядочные, обыкновенно выслужив урочные три года, ибо не менее трех лет должен послужить всякий, получивший подъемные и прогонные деньги на проезд, уезжают из Астрахани; люди бедные, мошенники и обзаведшиеся хозяйством остаются, но племя это такое пустое, необразованное, что не дает хороших плодов, ибо получающие воспитание здесь самый плохой народ» [1, с. 92–93].

Быть может именно этим нам и следует объяснять социально-бытовые проблемы Астрахани того времени – у города не было своих коренных чиновников, а все приезжие воспринимали свое житие в нем как временное состояние. Никому из «отцов города» не было дела до рядовых обывателей Астрахани, ибо все они были здесь временно (временщики), как говорится, «сидели на чемоданах».

Иначе говоря, не было так называемого местного патриотизма, да и откуда ему было взяться, если управленческие кадры, говоря современным языком, рекрутировались не из постоянных, коренных жителей, а из этих самых «временщиков»?!

Нами было замечено, что по мере продолжения переписки у корреспондента (И.С. Аксакова) нарастает раздражение в отношении его пребывания в Астрахани. Под конец он ее уже просто люто ненавидит и раздражается по пустякам. Он находил единственное оправдание своего столь длительного пребывания здесь – качественно выполненная ревизия (если в начале он посмеивался над ней, постоянно вспоминая Н.В. Гоголя, то под конец начинает писать о ней со всей серьезностью и посмеивается уже над Астраханью и астраханцами).

Особенно его раздражает астраханская зелень: «Зелень – где есть – едва только стала выказываться: мертвая, жалкая природа» [1, с. 68]. И чуть далее добавляет: «Здесь вид зелени меня не радует, а пугает, ибо означает резиденцию комарищ разной величины» [1, с. 76]. Его раздражает даже пирамидальный тополь – «тени не дает никакой, поднял свои сучья вверх и стоит один, высоко, дурак дураком» [1, с. 73]. Не нравятся ему и «почетные гражданки» Астрахани, которых он презренно называет

«коровами» («Премертвый город. По улицам почти ни души или калмык, надоевший мне донельзя, или почетные гражданки, здешние коровы, ходят себе по тротуарам подле вас, прогуливаются, останавливаются, разговаривают между собою, решительно как дома. Три-четыре коровы непременно на всякой улице») [1, с. 73].

Не понравился москвичу и губернский театр. «Ходить в здешний театр скорее наказание, нежели удовольствие». Он там был всего несколько раз, чтобы посмеяться над тем, как «уродуют «Севильского цирюльника» на астраханской сцене [1, с. 105]. Впрочем, в другой раз ему понравился какой-то второсортный водевиль «Казак-стихотворец» (А.А. Шаховского), который он с удовольствием слушал [1, с. 128]. О вкусах не спорят, но кто сегодня знает этот дешевый водевильчик, и что такое всегда был «Севильский цирюльник»? (Хотя дело, может быть, как раз в самой постановке: одно дело «Севильский цирюльник» в Москве, а другое – в Астрахани?)

Но, несмотря на все эти труды и развлечения, Разбалуи-город показался столичным чиновникам весьма тоскливым городом. В Астрахани царит смертельная тоска. Единственное, что спасает жителей, так это смех. Это оказывается единственным развлечением в Разбалуи-городе [1, с. 72]. Без смеха здесь немисливо жить и И.С. Аксаков достаточно скоро открывает эту житейскую формулу. Именно по ней живут наиболее образованные и умные люди этого города. Именно в таком духе он весьма часто дает характеристики местным обывателям. Так, купца Шайкина (организатора городской публичной библиотеки) он характеризует как купца 2 гильдии, но плута 1-го разряда [1, с. 75].

Чиновник, представлявший тогда в городе служилую российскую элиту, просто не умел развлекаться так, как традиционно развлекались простые жители Разбалуи-города. И действительно представить его себе в каком-нибудь злачном кабаке или в дешевом публичном доме мы не можем. Столичным эстетам подавай что-то изысканное и, как бы сегодня выразились, гламурное, чего в тогдашней Астрахани (как, впрочем, и в настоящей) отродясь не было. И тут возникает один деликатный вопрос – а что-нибудь ему вообще в Астрахани понравилось? Немного полистав его ставшие в наше время публичными письма, мы можем с уверенностью сказать, что «да», кое-что и понравилось. Но это «кое-что» было уж слишком личное.

Больше всего москвичу понравился кумыс. Он его пил с удовольствием и, судя по всему, много (во всяком случае, он весьма часто упоминает об этом напитке, значит, понравился, значит, употреблял гораздо чаще, чем упоминал в письмах!). По его личным наблюдениям, этот напиток давал ему необыкновенную бодрость и крепость телу [1, с. 107]. После его употребления хотелось работать с удвоенной энергией. О последнем моменте следует специально призадуматься нашим нынешним руководителям и ввести обязательное употребление кумыса на работе (и в нерабочее время тоже!).

Но даже этот чудо-напиток не избавил московского гостя от пессимистического настроения. Уже в апреле (а в Астрахань он приехал в конце января 1844 г.) молодой человек с иронией сетует: «Нет, уж я в Астрахань и губернатором быть не хочу [*разонравился кумыс – примечание авторов*], да и вряд ли занесет судьба когда-нибудь во второй раз сюда» [1, с. 75]. Замечания И.С. Аксакова о несносной Астрахани носят больше критический, чем позитивный характер. Но для нас, жителей самой Астрахани, важно знать, как наш город и сами мы выглядим со стороны (даже если этому взгляду со стороны 160 лет!). Лето окончательно добило москвичей, сделав их настоящими астраханцами (тот, кто хоть раз благополучно пережил астраханскую жару от начала и до конца, может по праву рассчитывать на это почетное звание!).

И.С. Аксаков пытается понять причины вялотекущей астраханской жизни и приходит к выводу, что виноват во всем этом астраханский климат – «внешний жар вытесняет внутренний». Приезжие москвичи изнежились в Астрахани, как карфагенцы в Капуе: «Кто гуляет целый вечер по каналу, кто ездит верхом, кто в плену у здешних красавиц! Нет ни прежнего участия, ни настойчивости, все распустились. Мне досадно, что магический круг неприступности и строгости разбился, свободно переступают его астраханцы и, подходя ближе, видят, что мы точно такие же люди, как и все русские, то есть тяготимся трудом и службою, не выдержали характера,

стали ленивы и беспечны, и все нам трын-трава! Тщетно я негодую и взываю к бездействующим, тщетно собственным примером доказываю, что можно выдержать характер, можно работать и в жар и сохранять то же участие... Не на дачу мы приехали, а в город на ревизию, и поэтому надо показывать им пример деятельности и старания, так как мы сами строго взыскиваем за бездействие и медлительность» [1, с. 124–125]. Тема астраханской жары становится центральной (маниакальной) в письмах И.С. Аксакова к родным [1, с. 104, 128, 131]. Как он ни бодрился, но, по всей видимости, сам тоже стал жертвой этой коварной волшебницы здешних мест. Жара – подлинная царица Астраханского царства и просто так она никого из своих владений не выпускает.

В таких условиях о какой вообще ревизии могла идти речь? Да, «они приехали не на дачу отдыхать», но ехали они сюда и не в бане париться. А ведь каждый астраханец знает, что такое 50-градусная жара и как она влияет на работоспособность. Астрахань в летний зной – это и есть самая настоящая баня. И, тем не менее, Аксаков специально и многократно подчеркивает, что он с честью (не в пример своим коллегам) справился и с этой напастью (надо полагать, что второй напастью были местные красавицы, коих молодой человек (и тоже не в пример своим товарищам) с упорством почему-то избегал!). Так или иначе, но чиновник в то лето победил в Аксакове человека. Он горел на работе и горел достаточно ярким пламенем. Так чем же конкретно занимался будущий известный общественный деятель и славянофил в Астрахани?

И.С. Аксаков сам лично проверял дела губернского правления и нашел там массу недочетов и злоупотреблений, чем как проверяющий чиновник остался очень рад [1, с. 156]. Так, только по одному четвертому отделению губернского правления он собрал до 30 листов замечаний [1, с. 152]. В одном из писем домой он признавался, что «нашел много злоупотреблений, которые потребуют суда и следствия» [1, с. 74]. А в письме от 30 мая добавляет: «Я первый занес ревизионную руку на этот хаос беспорядков, злоупотреблений и упущений. Так как все здесь делается кое-как...» [1, с. 94]. Вообще, судя по его письмам, собою как чиновником-ревизором И.С. Аксаков остался доволен. Он сам себя всячески расхваливает, в какой-то степени уподобляясь Хлестакову. Только в отличие от того, он хвастается перед своими домашними (с его слов получается, что все ревизоры лентяи и проходимцы, и только он один деятельный и честный человек). Если поверить его словам, так перед нами просто идеальный российский чиновник (а таких, как хорошо всем известно, на свете не бывает!). Хвастовство его расцветает в его письмах буйным цветом его фантазии (вспоминается пословица: «не пойманный, не вор»). Для справедливости отметим, что как юноша И.С. Аксаков и вправду был усерден и законопослушен, но если читать его письма целиком (а не по частям, как это делали его адресаты), то эта его самореклама чем-то сродни с современным назойливым PR. Далеко не бесспорными оказываются и его высказывания относительно национального вопроса, весьма болезненного и в наши дни.

Поэтому следует особо подчеркнуть сделанные И.С. Аксаковым заметки по данной теме. Он то восхищается тем, как дружно живут здесь в Астрахани различные народы, то дает им весьма неприглядные (а порой и просто убийственные) характеристики. Конечно, он не предполагал, что его письма будут когда-либо опубликованы. Но на страницах его писем мы обнаруживаем отпечаток общественного сознания России того времени. И это для нас особенно важно. В первую очередь его письма тем для нас сегодня и ценны.

Здесь в Астрахани, замечает писатель, «редко встретите вы умное лицо русского мужика, а все глупые фигуры калмык и киргиз. Да и русские здешние не то, что наши. Они говорят: в России делается так, а у нас иначе! Или лукавые лица всегда друг на друга похожих армян и персиян. Женщин на улице не видать почти совсем; азиатки сидят дома» [1, с. 27]. И далее не без гордости добавляет: «только в России иностранец может жить так спокойно под защитой [российских] законов» [1, с. 37]. И.С. Аксаков вспоминает, как к нему пришел однажды персиянин с жалобой на свою неверную жену и вредную тещу. О своем семейно-интимном купец поведал русскому

чиновнику, который был намного его моложе. Каково доверие иноземцев русским законам, восклицает автор, – «так легко, удобно, помещаются между русскими азиаты, вовсе не дичась и свыкаясь с требованиями правительства» [1, с. 51].

У Аксакова его славянофильские корни постоянно вылезают то здесь, то там. Он явно не жалуется на Запад и с уважением отзывается о Востоке. «Еще удивляюсь я и тому, как русский человек мало дичится чуждого себе; и, как кажется, меньше дичится азиатца, нежели немца или француза. Крестьяне, приходящие в Астрахань из великорусских губерний, так скоро и коротко знакомятся с терпимостью, что даже охотно нанимаются у азиатцев, и так как Астрахань издревле была притон беглецов, то и теперь побег беспрепятственные в Баку, Шемаху и даже персидские владения» [1, с. 38]. Вот вам, пожалуйста, западная хваленая толерантность! Кто у кого должен учиться – мы у запада их толерантности, или запад у нас нашей многими веками проверенной «этнотерпимости»? А вот, пожалуйста, антитолерантное высказывание самого И.С. Аксакова.

Московский чиновник почему-то особенно восхищается хивинцами и почему-то недолюбливает калмыков: «сами хивинцы молодцы; бодрые и умные лица! Не то, что калмыки и киргизы, особенно калмыки. Я и не мог вообразить себе существ более противных! Эти мендюки (как они себя называют) носят одежду до тех пор, пока она истлеет на них. Женщин нельзя отличить от мужчин» [1, с. 65]. Не знаем почему, но ему особенно не понравились калмыки. Для этого этноса И.С. Аксаков стал самым настоящим инквизитором (его замечания относительно быта и психологии поведения этого народа сегодня иначе как скандальными и не назовешь). У Аксакова мы читаем: «В Астрахань просятся толпами жители Тамбовской, Воронежской и других губерний, где слишком им стало тесно, но их не пускают, потому что в малонаселенной Астрахани нет для них земли, ибо императором Павлом отдано было калмыкам 11 миллионов десятин земли. По мне было бы лучше, чтоб эти калмыки или убралась бы себе к Китаю, откуда пришли, и пустили бы русских на свое место, или их размежевать как казенных крестьян по 8 десятинной пропорции... и сделать из них оседлых... Право, несправедливо, что они владеют почти всею астраханскою свободною землею, будучи столь бесполезными. Лучше их сделать оседлыми да отнять половину земли» [1, с. 75]. И это пишет прогрессивный в будущем литератор, краса и гордость русской журналистики. В настоящее время его бы сразу же привлекли к уголовной статье за разжигание межнациональной ненависти. Но в то время общество и власти были более терпимы к подобного рода высказываниям. Столь жесткое суждение И.С. Аксакова было, быть может, оправдано с экономической точки зрения – земли в России и тогда и сегодня используются очень неэффективно. Но, несмотря на все это, заявление все равно остается крайне жестким и неприятным для слуха местного обывателя. Сразу видно, что не астраханец! Астраханец никогда бы себе такого не позволил. Аборигены волжского Понизовья (как бы их не высмеивали столичные «штучки» за их дремучую провинциальность!) всегда были более толерантными, чем эти приезжие из Москвы.

И.С. Аксаков дает порой настолько живое описание природы, людей и событий, что они словно оживают перед вами. Здесь явно журналист затмил чиновника. Именно благодаря этому первому своему корреспондентскому опыту И.С. Аксаков впоследствии и сделает свой жизненный выбор – предпочтет публицистику чиновничьей карьере (явно, что первое у него получалось гораздо лучше второго).

Московская комиссия трясла Астрахань целые 10 месяцев. В ноябре 1844 г. И.С. Аксаков покидал Астрахань без всякого чувства сожаления – у него здесь не было ни друзей, ни каких-либо иных привязанностей, которые обычно складываются в других местах: «...ничего подобного не ощущаю я при отъезде из Астрахани. Бог с нею!... Слава богу, наконец-то покидаю я Астрахань» [1, с. 168]. Его общая оценка – не дай Бог опять сюда когда-либо попасть... Вот такая печальная история.

* * *

В описании заезжего московского гостя, в течение 10 месяцев имевшего возможность наблюдать за бытом Астрахани, город и его жители предстают в весьма

критическом и не всегда лестном свете. Это город, которому очень далеко до идеала. Более того, для жизни проживающих здесь народов (как европейских, так и азиатских) он вовсе не идеален, как во времена самого И.С. Аксакова, так и в наши дни. В то же время наш город уникален, поскольку является перекрестком не только великих торговых путей, но и культур, религий, цивилизаций. Здесь все временно, здесь все проездом и, как ни странно, все стабильно, причем как в позитивном, так и в негативном контексте. Здесь столько всего намешано, что точно сказать, что такое Астрахань, никто не берет.

Само название «Разбалуй-город» сегодня уже давно вышло из употребления. Астрахань давно уже перестала быть баловнем истории. Она процветала в то время, когда была единственным крупным городом Юга России. Но времена стремительно меняются. И сегодня многие в России не знают даже где находится сей «Разбалуй-город» и часто путают его с Архангельском. Астрахань ушла в тень истории, словно прячась в ней от полуденного летнего зноя. Для того чтобы ее имя вновь зазвучало (и зазвучало не в отрицательном, а в положительном смысле) необходимо, чтобы сей город стал столицей Прикаспийского региона. Но это пока все слова, которые словами так и останутся, если мы сами (все астраханцы) не будем ничего для этого делать.

В 2006–2008 гг. город весь был в строительных лесах и разрытых канавах, что вселяло в сердца горожан надежду на то, что их город будет все-таки, наконец, хоть как-то благоустроен и встретит свой 450-й юбилей в обновленном виде. Делается для этого и в самом деле немало. Но делается опять-таки «кое-как», в спешке, а потому в ущерб качеству. Очевидно, что ремонт города должен вестись постепенно (каждодневно), а не от случая к случаю. Напомним, что очередной юбилей Астрахани будет лишь в 2058 г. и что, если мы все будем сложа руки ждать его, город окончательно развалится и, как Атлантида, уйдет в прикаспийские солончаки. Единственное, что мы можем предложить отцам города, – пересмотреть историческую дату рождения Астрахани (исторические данные позволяют нам это сделать) и уже через пару лет отметить 700-летие Татарской Астрахани (Хаджи-Тархан): около 1333/34 гг., а затем и 1270-летие Итиль-Астрахани (около 737 г.). Чем не повод вновь начать долгожданный ремонт города?!

Шутка шуткой, но это должно стать поводом для серьезного размышления местной общественности. Письма И.С. Аксакова – это всего лишь повод. Повод к тому, чтобы взглянуть на себя со стороны и понять, кто мы и зачем живем на этих прекрасных волжских берегах. Берега Волги действительно прекрасны. Столь же прекрасными и должны быть наши души и сам город, в котором мы все живем.

Мы предоставляем нашему читателю самому оценить теперешнее состояние своего родного города, сопоставив его с тем, что уже было. Диагноз Астрахани вчерашней нам любезно предоставил И.С. Аксаков, состояние Астрахани сегодняшней мы видим сами, а вот какой она должна быть завтра – всецело зависит уже от нас самих. Мы сами творцы Астрахани будущего, но для этого нам предстоит исправить ее изъяны, накопившиеся вчера и мешающие нам жить сегодня. Так засучим рукава и сделаем наш город лучше, чем он был до этого. Все в наших силах, все в нашем разуме и в наших руках...

* * *

P.S. Позволим теперь самим сказать несколько критических слов в адрес этой заезжей столичной комиссии. В поведении ревизоров чувствуется некое столичное превосходство над местной провинциальной публикой. Иногда даже сквозит пренебрежительное высокомерие, а в отношении местных азиатских народов даже хамство. Но вот, что мы выяснили о самих членах этой ревизионной команды.

И.С. Аксаков в одном из своих первых писем пишет: «Дом коммерции советника и почетного гражданина Сапожникова, где живем мы, расположен очень удобно и стоит за мостом, почти на берегу Кутума. Сапожников – один из богатейших капиталистов-рыбопромышленников, благодетель Астрахани, учредитель многих полезных заведений... Мы живем наверху: у нас большая комната, передняя и особенный вход.

По стенам развешаны картины единственной моему понятию доступной школы – фламандской...» [1, с. 24].

Безобидная на первый взгляд фраза. Но есть одно неприятное для всех ревизоров «НО». Они прожили 10 месяцев в этом доме и ничего не заметили сверхъестественного в культурном плане. А сверхъестественное там было. Оно находилось рядом с ними. В таких случаях обычно говорят: «Истина где-то рядом». Каждый день они ходили мимо полотен старых «фламандских» мастеров и ничего...

Но вот интересная вещь – в 1913 г. «Мадонна с цветком» (или «Мадонна Бенуа») кисти Леонарда да Винчи будет обнаружена в Астрахани в частной коллекции купцов Сапожниковых (в которой находилась приблизительно с 1824 г.)^{*} архитектором и искусствоведом Л.Н. Бенуа (1856–1928). Эрмитаж приобретет эту картину у Бенуа за 150 тысяч рублей [4, с. 286]. Так и просится на язык знаменитое крыловское «слона-то я и не приметил...»^{**}.

Вот и верь после этого, что астраханцы невежественные и глупые люди... Так и хочется сказать: «А судьи кто?».

Библиографический список

1. *Аксаков, И. С.* Письма к родным 1844–1849 гг. / И. С. Аксаков. – М., 1988.
2. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 1. / В. Даль. – М., 2000.
3. *Даль, В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 4. / В. Даль. – М., 2000.
4. *Марков, А.* Братья Сапожниковы / А. Марков. – Астрахань, 2007.

^{*} В реестре картин А.П. Сапожникова, составленном в 1827 г., она значится под № 1 как «Божья Матерь, держащая Предвечного Младенца на левой руке... Мастера Леонардо да Винчи» [4, с. 91, 102].

^{**} Годом ранее на этот же самый факт обратил внимание известный астраханский краевед Александр Марков (авторы этой статьи узнали об этом 15 июля 2008 г., взяв в руки его книгу [4, с. 114]. Однако краевед никак не прокомментировал упорное молчание московских знатоков мировой художественной культуры, людей, просвещенных светом высшего образования, о картине гения эпохи Возрождения! Вот вам и классическая столичная образованность...